

Предлагаем вниманию читателей отчет о заседании Круглого стола, проведенного в редакции журнала “МЭ и МО” 14 июня 2018 г. В заседании приняли участие: Автономов В. С., чл.-корр. РАН, научный руководитель факультета НИУ ВШЭ; Афонцев С. А. чл.-корр. РАН, зав. отделом ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова; Воейков М. И., д.э.н., профессор, зав. сектором Института экономики РАН; Гринберг Р. С., чл.-корр. РАН, научный руководитель Института Экономики РАН; Колганов А. И., д.э.н., профессор экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; Рябов А. В., к.и.н., главный редактор журнала “МЭ и МО”; Фролов И. Э., д.э.н., профессор, зав. лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН; Чепуренко А. Ю., д.э.н., профессор, ~~научный~~ руководитель департамента НИУ ВШЭ; Чусов А. В., к.филос.н., доцент философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАРЛА МАРКСА И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО И МЫСЛИТЕЛЯ

© 2019 г.

Статья поступила в редакцию 17.09.2018.

Редакция публикует материалы дискуссии о значении творческого наследия К. Маркса для анализа современных экономических, социальных и политических процессов.

Ключевые слова: идеи и метод К. Маркса, современное общество, социальные науки, экономическая теория, социальная справедливость, цифровая экономика, свободное время, материалистическое понимание истории.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-

Рябов А.В. Споры о значении творческого наследия Карла Маркса для развития социальных наук не утихают уже многие десятилетия. В какие-то периоды современной истории интерес к идеям Маркса резко усиливается, в них находят эффективный инструмент для понимания настоящего, утверждают, что они открывают возможности для научного предвидения будущего. В другие же периоды, как в 90-е годы прошлого века, идейное наследие Маркса многими начинает восприниматься как безнадежно устаревшее. А что можно сказать о нашем времени? Обусловлен ли сегодняшний интерес к идеям Маркса только лишь 200-летним юбилеем со дня рождения ученого и мыслителя? С обсуждения этого вопроса начнем нашу дискуссию. В связи с тем, что большинство ее участников — известные ученые-экономисты, то и разговор преимущественно пойдет о значении наследия Маркса для экономической науки.

Чепуренко А.Ю. ~~И все же~~ — первая очевидная причина нынешнего интереса к Марксу — это юбилей. Юбилей же неоднозначных с точки зрения последующих поколений мыслителей обычно сопровождаются огромным числом публикаций с аргументами “за” и “против”. Вторая более важная причина — возрастание лабильности мировой экономики, находящейся на переломе очередной

длинной волны. Возможности нынешнего технологического уклада (не всем нравится этот термин — скажу по-другому: нынешней технико-экономической системы, основанной на внедрении информационных технологий в процесс управления производством), судя по всему, вышли на плато. Отсюда — волатильность рынков, сравнительно невысокие темпы роста на протяжении большей части экономического цикла, неопределенность в отношении тех прорывных технологий, в которые следует инвестировать в длительной перспективе и т.д. Отсюда же и рост интереса к теоретикам, которые обосновывали тезис об исторической ограниченности рыночной экономики.

Колганов А.И. Непосредственно всплеск интереса к наследию Маркса был вызван достаточно серьезным экономическим кризисом, поразившим мировую экономику в 2008–2009 гг. Вообще, любые симптомы кризисного состояния капиталистической системы заставляют вспоминать о Марксе как о теоретике, положившем начало исследованию законов развития и исторических границ капиталистического способа производства.

Автономов В.С. Интерес к Марксу, во всяком случае, среди экономистов, очень циклический. Как только с экономикой случается большая не-

приятность, из относительного забвения появляется определенный набор имен: Карл Маркс, Джон Мейнард Кейнс, Йозеф Шумпетер, Николай Кондратьев (ну и еще Хайман Мински). Как только экономика встает на стабильную траекторию, эти великие фигуры снова отходят на второй план, а первый заполняется неоклассикой. При этом сама возможность циклов и кризисов начинает подвергаться сомнению. Поэтому последний всплеск интереса к Марксу, помимо самого факта юбилея объясняется, по-моему, “Великой рецессией”.

Фролов И.Э. Частично соглашусь с Владимиром Сергеевичем в отношении того, что интерес к Марксу носит колебательный характер, в том числе и из-за последствий финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Но я бы выделил еще два аспекта. Прежде всего – это описанные во многих работах методологов экономической науки факты избыточного формализма современной экономической теории и связанного с этим мелко-темья. Тогда как теория Маркса – это классическая гранд-теория, то есть то, в чем сильно нуждается современная экономическая наука. Дополнительно скажу: это предчувствие, связанное с накоплением знаний о множестве новых, плохо объясняемых с традиционных позиций экономических и финансовых феноменов, что также способствует нарастанию ожиданий о необходимости создания новой, еще более универсальной общественной теории, чем теория Маркса.

Чусов А.В. На мой взгляд, современная ситуация в социально-экономических науках являет по меньшей мере методологические трудности, если не назвать это кризисом. Многие ученые говорят о недостаточности применяемых методологий. В этой ситуации обращение к наследию Маркса, с учетом того, что он разрабатывал теорию экономически развитого общества, альтернативную почти всем современным теориям, выглядит вполне естественным.

Афонцев С.А. Юбилейные торжества в очередной раз подчеркивают влияние философских и политических идей Маркса на осмысление социальных процессов, а также на проекты управления ими. Менее очевиден вопрос об оценке востребованности его экономических идей. Не секрет, что за пределами (нео)марксистских школ влияние теоретического наследия Маркса в современной экономической науке практически не прослеживается. Чем это объясняется – злонамеренным “заговором молчания” или фундаментальными проблемами теории Маркса с точки зрения позитивной экономической науки? Представляется, что *главные препятствия для признания и использования идей Маркса современными экономистами свя-*

заны с фундаментальными проблемами самой марксистской экономической теории (курсив авт. – С.А.). Часть этих проблем лежит в методологической плоскости, другая часть обусловлена очевидным конфликтом между положениями марксистской теории и реальными фактами.

Рябов А.В. Итак, нынешний интерес к Марксу обусловлен не только юбилеем, но и мировым экономическим кризисом и его последствиями, дефицитом больших теорий в экономической науке, в более широком плане – кризисом методологии в социально-экономических науках. А какие компоненты метода Маркса актуальны для современной науки?

Автономов В.С. На мой взгляд, у Маркса наиболее актуально то, что Шумпетер называл “видением”. Отстраненный, критический взгляд на современное ему капиталистическое общество позволил Марксу выделить проблемы, на которые не обращали внимания экономисты, воспринимавшие капитализм как нечто само собой разумеющееся. К таким проблемам относятся экономические циклы и кризисы, неравномерность в распределении доходов, концентрация и централизация капитала, значимость технического прогресса, его экономическая обусловленность (Маркс использовал для этого категории относительной и особенно “добавочной” прибавочной стоимости) и его связь с исторической судьбой капитализма. Поэтому самое актуальное в подходе Маркса – видение и вытекающие из него элементы предмета экономической науки.

Что же касается собственно метода Маркса, а именно диалектического восхождения от абстрактного к конкретному, то мы не можем обнаружить его следы в исследованиях экономистов. Даже ученики Маркса, даже он сам не следовали ему в большинстве случаев. Для экономической науки этот метод был избыточно сложен, он основывался на отношениях между сущностями и явлениями (превращенными формами), проходящих через ложное сознание агентов производства. Это чрезвычайно изысканная конструкция явно противопоставлена науке, основанной, в общем-то, на здравом смысле. Да и современная философия в основном не придерживается концепций сущности и явления.

Колганов А.И. Признание значимости теоретических выводов Маркса закономерно определяет и интерес к тому методу, которым были получены эти выводы. С этой стороны, несомненно, сохраняют свое значение такие базовые компоненты его метода, как материалистическая диалектика и материалистическое понимание истории. Несмотря на всю критику, которой подвергалась диалектика, и неоднократные попытки найти ей альтернативу,

реальный вызов этому методу так и не был брошен. Его низкая популярность, однако, определяется тем, что он в систематическом виде получил изложение только у Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, в крайне сложной и запутанной форме. Ясное и последовательное изложение метода материалистической диалектики, несмотря на вклад последователей Маркса в этом вопросе, до сих пор отсутствует. С этой стороны даже сложные современные математические методы имеют преимущество, ибо они хорошо разработаны и изложены. Материалистическому пониманию истории повезло значительно больше. Оно фактически признано в качестве одной из фундаментальных методологических основ современных общественных наук. Парадоксальным, но вполне объяснимым исключением является экономика, где господствует субъективно-психологический подход, ибо материалистический метод здесь приводит к идеологически крайне неудобным выводам.

Чусов А.В. Маркс был очень заинтересованным исследователем проблем методологии. Начиная с самых ранних своих работ, он показывал укорененность в классической философской и научной традиции, связывавшей обоснованное познание с методами. Упомяну лишь два ключевых факта. Маркс явно различал метод исследования и метод изложения (1), и он был заинтересован во внешней оценке своего метода настолько, что в предисловии ко второму изданию “Капитала” сетовал на то, что никто из ученых, за исключением русского рецензента, не отреагировал на его метод (2). Широко распространено мнение, что метод Маркса есть гегелевская диалектика, только перевернутая “с головы на ноги”. Однако, на мой взгляд, есть основания для пересмотра такого понимания методологии Маркса.

Я исхожу из рабочего определения: метод — это **система регулятивов преобразований данных и знаний в перспективе некоторого типичного результата**. Предметное поле методологии не сводится к какому-либо одному методу или совокупности методов. Методологию можно рассматривать как сферу деятельности, куда входят: а) субъекты познавательной деятельности (в том числе коллективные субъекты); б) объекты, с которыми непосредственно связаны эти субъекты; в) предметы, предметности и предметные области, в которых непосредственно разворачивается познавательная деятельность; г) собственно методы; д) результаты познания и их дальнейшее относительно самостоятельное существование в мире, частично выходящее за рамки непосредственного существования людей и социума.

Теоретические корни методологии Маркса принадлежат немецкой классической философии. Однако она основательно связана и с эмпирической

традицией, прежде всего с эмпиризмом Фрэнсиса Бэкона, который Маркс рассматривал как родоначальную форму материализма XVII в.

Говоря о методе Маркса, следует указать, что общим для его методологии является принцип действительности, прежде всего — действительности результата, но также и действительности познавательных операций, и действительности используемых данных. Этим метод Маркса принципиально отличается от метода Гегеля (для которого в отношении разумного и действительного разумное обладает абсолютным приматом над действительным). Из этого принципа вытекает также принципиальное различие в типичных результатах этих методов. Если у Гегеля это тотальность (Энгельс указывал, что коррелятом гегелевской тотальности является живой организм), то у Маркса результат есть конкретное, относительно самостоятельно существующее образование (так можно понимать известное выражение “процесс угасает в результате”).

Другой ключевой принцип марксовской методологии — историзм. Обычно историзм понимают как нечто, относящееся к истории, протекающей вне науки, тогда как научное познание имеет незывлемые принципы и, в частности, к ним относятся основные категории. Рассмотрение рукописей Маркса показывает, что он называл категории “определениями существования” (*Existenzbestimmungen*) и явно утверждал их историчность и изменчивость. Но историзм Маркса не ограничивается исключительно наукой, речь идет и о включенности науки в действительный мир. Действительный историзм определяется во взаимодействии собственно науки (как одной из предметных областей деятельности человека) с миром, в котором существуют субъекты и объекты. Такой историзм относится не только к компонентам метода, но и к их внепредметным и предметным основаниям — к миру, субъекту, объекту, собственно предмету и развивающейся предметной области науки. Отметим, что соотношение между логикой и историей в контексте примата действительности методологически означает необходимость искать некий исходный пункт совпадения истории и логики, который обнаруживается посредством некоторого синтеза логического и исторического анализа.

Далее, рассматривая мир как изменяющуюся и развивающуюся сеть взаимодействий, естественно поставить вопрос о том, возникает ли в мире нечто принципиально новое не только на субъектном, но и на объектном уровне. Для развития этих представлений необходимы методологически развитые представления об общественных **объективациях**, то есть о возникновении новых типов объектов, которые образуют новые типы взаимо-

действий. В частности, методологически это означает, что, исследуя развитие, в котором появляется нечто действительно новое, мы необходимо обнаруживаем новые промежуточные результаты, которые получают относительную самостоятельность и становятся новыми началами не только познания, но и существования. Так можно интерпретировать тезис Маркса об изменении не только категорий, но и их соотношения в системе теории. Все это весьма актуально для исследования современного, сложного и взаимозависимого мира.

Фролов И.Э. Я бы отметил, что метод Маркса – с одной стороны, принципиально историчен, то есть для него нет ничего вечного, включая сами предпосылки метода, а с другой – поддержал и дополнил бы тезисы коллег из МГУ, и Андрея Ивановича, и Анатолия Витальевича. Замечу, что анализ рукописей Маркса показывает, что восхождению от “абстрактного к конкретному” у него предшествует “восхождение от конкретного к абстрактному”.

Что же актуально в действительном методе Маркса? На мой взгляд, – это методологическое требование исторической действительности всех существенных предпосылок и условий предмета экономической науки, что снимает множество дискуссий об истинности предпосылок экономических моделей, о чем уже говорилось. А дополнительно необходимо отметить такую категорию Маркса, как “общественная объективация”, то есть реконструкцию действительных взаимодействий как воспроизводящихся процессов. В русском переводе термин “объективация”, как правило, переводят как “овеществление”, то есть “превращение в вещь” (объект). Классический пример общественной объективации у Маркса – это квазициклическое движение производительного капитала.

Афонцев С.А. С точки зрения методологии принципиально важен характер ключевых содержательных предпосылок теории Маркса. Они сформулированы таким образом, что принципиально не допускают применения к ним ни принципа верификации, ни принципа фальсификации; иными словами, для данных предпосылок невозможно:

- доказать их справедливость;
- указать на факты, способные опровергнуть эти предпосылки или следующие из них выводы;
- доказать более высокую реалистичность выводов, вытекающих из анализа с использованием этих предпосылок, по сравнению с анализом на основе иных предпосылок.

Соответствующие проблемы относятся в первую очередь к предпосылкам трудовой теории стоимости и концепции прибавочной стоимости.

В частности, теория Маркса не содержит ни доказательств тезиса об уникальном характере человеческого труда в сфере создания стоимости, ни демонстрации аналитических преимуществ использования данного тезиса как предпосылки дальнейшего анализа – в силу того факта, что у Маркса этот тезис является не инструментальной гипотезой, а элементом аксиоматики, в который читателю предлагается просто поверить. Данное обстоятельство справедливо отметил в свое время еще Шумпетер: “Рикардо ... ввел теорию ценности, основанную на количестве труда, просто как гипотезу, задачей которой являлось объяснение существующих относительных цен... Но для Маркса ... теория ценности, основанная на количестве труда, не являлась только лишь гипотезой об относительных ценах. Количество труда, воплощенное в продуктах, не просто “регулировало” их ценность. Оно само было их ценностью (ее “сущностью” или “субстанцией”)¹”.

Аналогично аксиоматический характер носит ключевой для концепции прибавочной стоимости и эксплуатации тезис об определении стоимости рабочей силы общественно-необходимыми затратами труда на ее воспроизводство. Данный тезис (излишне говорить, что он также никак не доказывается!) является логически производным от базового тезиса о роли человеческого труда как универсальной основы создания стоимости, а возможные эмпирические свидетельства против данного тезиса отклоняются на основе аргументов *ad hoc* (через констатацию “разрыва между ценой и стоимостью рабочей силы”).

Фактически принципы верификации и фальсификации как базовые критерии научности теоретических построений заменяются у Маркса принципом внутренней логической непротиворечивости аргументации, построенной на ряде аксиоматических утверждений. Данный принцип, однако, имеет очевидные ограничения, связанные с возможностью отрыва умозрительных логически непротиворечивых теоретических построений от эмпирической действительности (что, в частности, было успешно продемонстрировано самим Марксом применительно к “Философии права” Гегеля).

Оценка аналитического потенциала теории, опирающейся на аксиоматические предпосылки, в решающей мере зависит от результатов эмпирического тестирования основанных на ней гипотез. Однако здесь ситуация обстоит ничуть не лучше. Одной из характерных черт экономической теории Маркса является практически полное отсутствие эмпирически тестируемых гипотез, о справедливости которых можно было бы судить без ссылки на

¹ Шумпетер Й. *История экономического анализа*. СПб., Экономическая школа, 2004. Т. 2, с. 783.

аргументы *ad hoc* (включая аргументы, связанные с действием “приводящих” факторов экономической конъюнктуры, классовой борьбой, а в более поздних версиях — с эксплуатацией заморских территорий и т.д.).

Наиболее важные гипотезы из числа тех, которые в принципе доступны для эмпирической проверки, этой проверки не выдерживают. Пожалуй, наиболее показателен в данной связи прогноз об “относительном и абсолютном обнищании рабочего класса”. Это — одна из редких у Маркса гипотез, сформулированных в сильной форме и доступных прямому эмпирическому тестированию. Анализ эмпирических данных свидетельствует о ее безусловном опровержении. Попытки “спасти” тезис об относительном обнищании ссылками на классовую борьбу как фактор его смягчения и ранее неизвестные данные (в сочетании с весьма спорными методами их обработки, которыми известен, в частности, Томас Пикетти) не являются убедительными для большинства исследователей и в любом случае не “спасают” гипотезу об абсолютном обнищании. Действительно, трудно себе представить профессионала, который возьмет на себя смелость утверждать, что современный рабочий живет хуже, чем 100 лет назад.

Другой яркий пример связан с пресловутым “законом тенденции нормы прибыли к понижению”. Несмотря на хрестоматийно виртуозную риторическую формулировку (“закон тенденции”), максимально защищающую данное утверждение от возможных эмпирических опровержений,

- эмпирические данные не подтверждают существование соответствующей тенденции в период, для которого имеется надежная статистика;
- для более раннего периода (сравнение с эпохой “первоначального накопления”) имеющиеся точечные данные адекватно объясняются концепцией предельной производительности без ссылки на трудовую теорию стоимости.

Чепуренко А.Ю. Метод Маркса предметен (в гегелевском понимании, то есть метод исследования неразрывно связан со спецификой предмета, которым для Маркса было *современное ему* буржуазное общество), поэтому с моей точки зрения никакие его “компоненты” отдельно “использованы” быть не могут! Дальше есть развилки: кто-то может утверждать, что поскольку современный капитализм не просто сильно, но качественно отличается от капитализма середины XIX в., то логично предположить, что и метод Маркса следует выбросить на свалку истории идей. Правда, пока никто не доказал, что несомненные различия между современной рыночной экономикой и капитализмом середины XIX в. имеют именно *качественный* характер — в чем это *качество* заключается? Если

же исходить из другой предпосылки о том, что современное общество является исторической модификацией классического капитализма, то метод, реализованный в “Капитале”, может быть рассмотрен как начальный этап выявления наиболее абстрактных (бедных по содержанию, а потому легко обнаруживаемых и в более развитом предмете) моментов в процессе движения к отображению конкретности, тотальности того буржуазного способа производства, с которым имел дело Маркс. Кстати, полезно при этом учитывать, что “Капитал”, который автор не завершил, это, строго говоря, лишь первый отдел первой из так называемых “шести книг”, в которых он собирался рассмотреть анатомию современного ему буржуазного общества.

После того, что мы теперь знаем как 3 тома “Капитала”, должны были быть рассмотрены: конкуренция капиталов, кредит, акционерный капитал, земельная собственность, наемный труд, государство, внешняя торговля и мировой рынок. Можно только спекулировать по поводу того, что Маркс собирался там рассматривать и как при этом модифицировались бы те определения категорий, которые он дал в “Капитале”. Однако важно другое: те, кто критикует “Капитал” с точки зрения неполноты или абстрактности изложенной в нем теории, ломаются в открытую дверь.

Рябов А.В. А какие экономические, социальные и политические процессы в современном мире в наибольшей степени “располагают” к тому, чтобы стать объектом марксистского анализа?

Колганов А.И. Современная общественная жизнь, разумеется, не может быть целиком объяснена с позиций классических текстов Маркса — слишком велика дистанция между той фактической базой, на которой были сделаны его теоретические выводы, и фактами современной действительности. Но марксистское наследие не может быть сведено только к текстам самого Маркса — учение развивалось его последователями и эволюционировало сообразно с изменением самой общественной реальности. Сегодня наиболее интересными с точки зрения марксистского исследования являются такие экономические процессы, как изменение структуры экономики в сторону сокращения удельного веса материального производства, возрастание роли знаний и информации в производственном процессе; глобализация, противостояние “центра” и “периферии” мирового хозяйства; развитие процессов финансовализации и дестабилизирующая роль финансового рынка; появление товарных продуктов с особыми свойствами (интеллектуальные продукты) и развивающийся в связи с этим подрыв некоторых основных свойств товарного производства; эволюция природы денег вместе с развитием фиктивного капитала.

В неразрывной связи с этими процессами находятся также социальные сдвиги, для которых марксистский метод является благодатным полем применения. Это эволюция прежних классов капиталистического общества, характеризующаяся появлением новых внутриклассовых групп и размытостью границ классов; проблема провозглашенной в “Манифесте Коммунистической партии” “исторической миссии рабочего класса”; проблемы формирования глобального рынка труда и волны миграции; социальная сегментация на основе доступа к образованию и т.д.

Разумеется, в то же время многие концепции Маркса, развитые на материале середины XIX века, требуют пересмотра. Несомненно, ошибочной была трактовка обнищания пролетариата как обязательного компонента всеобщего закона капиталистического накопления (хотя общий вывод о зависимости положения пролетариата от интересов накопления капитала остается в силе). Точно также тенденция нормы прибыли к понижению, как теперь ясно, не является всеобщим законом капитализма (и в то же время сформулированная Марксом в этом законе концепция, согласно которой достижение нормы прибыли выступает как внутренний предел, определяющий развитие капиталистического производства, также остается незыблемой). Тем не менее и абсолютное ухудшение положения рабочего класса, и длительные тенденции нормы прибыли к понижению остаются время от времени напоминающими о себе фактами действительности современного капитализма.

Войков М.И. Обычно считается (с подачи Энгельса), что наибольшее значение в теории Маркса имеют следующие два положения: учение о прибавочной стоимости и материалистическое понимание истории (экономический детерминизм). Однако с экономической точки зрения следует признать, что теория концентрации производства сегодня приобрела особую актуальность. Она неожиданным образом получает эмпирическое подтверждение. Сегодня монополия не только стала фактом, но и превратилась в фундаментальную основу трансформации современного капитализма.

Гринберг Р.С. В современном мире, когда новые технологии диктуют новые механизмы управления, между производительными силами и производственными отношениями по-прежнему возникают противоречия, которые ведут к всевозможным конфликтам и даже революциям.

Так в чем же Маркс был прав? Какие его предсказания сбылись?

- **Монополии.** Капитализм, не ограниченный какими-либо процессами регулирования, объективно ведет к концентрации производства и моно-

полиям. А монополизация – это раковая опухоль любой экономики, и Маркс это четко подметил.

- **Финансовые спекуляции,** которые могут вызвать и усугублять кризисы в экономике. Маркс предупреждал, что если дать волю финансовому сектору, он поработает реальную экономику, что мы и видим сегодня. На место формулы “деньги–товар–деньги” приходит формула “деньги–деньги”. Недаром возникла шутка “инвестиция – это неудавшаяся спекуляция”.

- **Глобализация.** Маркс жил во время, когда мир еще не был большой деревней. Но он уже тогда указывал, что мировой капитал станет править бал, а мировое хозяйство будет становиться все более однородным.

- **Деятельность бюрократии,** которая “приватизирует”, то есть фактически захватывает государство. Мы видим сплошь и рядом, что общественные интересы игнорируются или искажаются, отодвигаются на второй план, если бюрократы не чувствуют над собой какого-либо контроля.

- **Роль науки.** Маркс предвосхитил решающую роль науки в развитии производства – ему принадлежат слова о превращении научного знания в “непосредственную производственную силу”, что стало реальностью на рубеже XIX и XX в.

- **Материальное неравенство и поляризация доходов.** Маркс дает описание объективного процесса, когда концентрация богатства находится на одном полюсе и концентрация массовой нищеты – на другом. Заметная коррекция такой несправедливости состоялась во второй половине прошлого века. Ориентация политических элит Запада на социальное выравнивание и установка на “благополучие для всех” привели к тому, что неравенство в 1950–1960-е годы было значительно ослаблено. В развитых странах Запада состоялась, в сущности, тихая социалистическая революция – вращение капитализма в социализм.

- **Отчуждение труда,** то есть оторванность человека от результатов его работы. Для Маркса как для поборника теории прогресса было важно, что царство свободы должно когда-то наступить. И надо сказать, что сегодня в силу мощного ускорения научно-технического прогресса материальные предпосылки “благополучия для всех” налицо. Но, как писал Маркс, царство свободы наступит лишь тогда, когда будет преодолено “поработавшее человека разделение труда”. А вот здесь прогресс скромнее. Ведь из всех наемных работников мира лишь 15% довольны своей работой. Если вы начали работать шахтером, то велика вероятность, что вы так и проработаете шахтером всю оставшуюся жизнь, нравится это вам или нет. И, похоже, такой статус-кво в обозримой перспективе останется неизменным.

Но и здесь уже просматриваются некоторые контуры возникновения условий, схожих с предположениями Маркса. Речь идет о возможном введении в развитом мире так называемого безусловного базового дохода, когда каждый гражданин той или иной страны от рождения до смерти ежемесячно получает доход, достаточный для сытой жизни независимо от того, работает он в данный момент или нет. Все больше физического труда и вообще живого труда стремительно вытесняется высокопроизводительными роботами, и введение безусловного базового дохода помимо функции сохранения социальной стабильности дает возможность каждому человеку пробовать себя в разных сферах жизни — находить те сферы, где, как писал Маркс, “труд становится первой жизненной потребностью”. Разве это не похоже на реализацию коммунистической мечты?

В чем Маркс оказался неправ? Что не прошло проверку временем?

- **Маркс верил, что *clash* (конфликт) пролетариата с буржуазией неизбежен.** Но последующая победа социал-демократий, более ответственное поведение работодателей, мощные профсоюзы — все это сработало для смягчения ужасов капитализма, побудивших Маркса к его исследованиям.

- **Идеализация революций.** История показала, что революции как “локомотивы истории”, как правило, заканчиваются плачевно, их результаты почти никогда не соответствуют чаяниям и ожиданиям людей, ради которых они готовились.

- **Утопичность коммунизма и мировой революции.** Для Маркса было очевидно, что перескакивать через фазы нельзя и построение коммунизма должно быть поэтапным процессом. Но и в России, и в Китае к власти пришли радикалы, которые восприняли его идеи в сильно извращенной форме. Ленин и Троцкий были уверены, что вскоре революцию подхватит остальной мир. Этого не произошло, а власть терять не хотелось, поэтому пришлось строить коммунизм в отдельно взятой стране. Этот эксперимент в значительной мере прошел с отрицательным знаком. Маркс удивился бы, если бы увидел сталинские репрессии под знаменем его идей.

Чусов А.В. В настоящее время существенно не хватает развитых в марксистском ключе представлений о локальных и мировых рынках, о новых денежных функциях, о характерных для разных типичных мест в общественном воспроизводстве образах жизни, о новых типах богатства и др.

Чепуренко А.Ю. Если говорить коротко, то это социальные процессы, включающие формирование и метаморфозы среднего класса, возникновение “креативных классов”, новое содержание

понятия производительного труда и соотношение рабочего и свободного времени в современном обществе. Все эти моменты хорошо объясняются на основе теории относительной прибавочной стоимости, анализа содержания понятий производительного и непроизводительного труда в рамках буржуазного способа производства в “Теориях прибавочной стоимости”, а также Экономических рукописей 1857—1859 гг.

Политические процессы — причины возникновения авторитаризма и популизма в современных обществах (“18 брюмера Луи Бонапарта”).

Экономические процессы — безлюдное производство на основе информационной революции (полное развитие автоматической фабрики, особенно которой ~~как технологического уклада~~ Маркс подробно раскрыл в I томе “Капитала”).

Фролов И.Э. Среди самых важных тенденций современного развития, “располагающих к применению марксистского анализа”, отмечу крах многолетних ожиданий того, что после кризиса 2008—2009 гг. экономика снова вернется к предыдущему типу роста. Слабо растет и мировая торговля, а в 2012—2016 гг. мировые цены на сырьевые товары (продовольствие, сельскохозяйственное сырье, нефтепродукты, минералы, руды и металлы) стабильно снижались. Такие низкие темпы роста даже получили свое название — “новая нормальность” (*New Normality*). Второе, — это проявление новой тенденции в социальных процессах, хотя еще и слабое, но видимое начало левого поворота в политике ряда стран, то есть возможно, что классическая политика правых партий исчерпала себя на современном этапе развития.

В теоретическом плане, развивая идеи Маркса на современном материале, можно различить *экономику* и *хозяйство* как сферы деятельности, конституирующие разные *типы* общественного воспроизводства. Хозяйство можно определить как специфическое единство производства и потребления *внутри* хозяйствующего общественного субъекта (семьи, предприятия и т.д.) и *внерыночных отношений*. Хозяйство присваивает предметы природы и организует производство и потребление продуктов *для себя* и не воспроизводит расширенную *стоимость*. Воспроизводство *менового стоимости* в случае менового хозяйства носит локальный и подчиненный характер, связанный с притоком рабочей силы из внешнего мира. Экономика развивается как *обособленное* денежное хозяйство на базе воспроизводства капитала. Экономика начинается с *производства-для-другого*, которое развивается в условиях рынка со структурой уравнивающих меновых пропорции. Иначе говоря, экономика расширенно воспроизводит *стоимость*.

Более того, глобальная экономика включает и другие уровни взаимодействий: сферы финансов и финансовых активов. В первом приближении финансовые отношения – это объективация сферы обращения долговых обязательств в денежной форме. Какова общая категория, позволяющая описать все эти общественные объективации? На мой взгляд, следует более полно концептуализировать категорию “богатства”, которая еще слабо разработана. Тогда современный этап можно охарактеризовать как становление нового *типа богатства* – на основе расширенного воспроизводства финансовых активов. Воспроизводство сферы финансовых активов порождает и дополнительный тип присвоения – *присвоение избыточного капитала в денежной форме*.

Афонцев С.А. В плане *потенциальной востребованности марксистских идей для анализа современных проблем* существенно, что национальная и международная статистика последних десятилетий никакой “тенденции нормы прибыли к понижению” обнаружить не позволяет. Удивительно ли в свете этого, что большинство экономистов с иронией относятся к перспективам “марксистского ренессанса” в исследованиях экономической динамики? Изменить такое отношение оказался не в состоянии даже экономический кризис 2008–2009 гг. (к настоящему времени, впрочем, успешно преодоленный). Если сторонникам марксистских идей этот кризис дал долгожданный повод для надежд на востребованность собственных идей и рецептов, то для большинства непредвзятых исследователей он стал очередным опровержением марксистского тезиса об “учащении и углублении экономических кризисов по мере развития капитализма”. Ситуация усугубляется тем, что теория кризисов Маркса, основанная на поиске материальной основы экономических циклов, с точки зрения современных исследований экономических колебаний, представляет собой исторический артефакт, не учитывающий фактической роли колебаний финансовых показателей в динамических процессах, а также стохастических факторов экономической динамики. В связи с этим представления о том, что в кризисных условиях марксистские экономические построения каким-то образом смогут получить конкурентное преимущество перед моделями современной экономической науки, также оказываются необоснованными.

Все сказанное позволяет заключить, что в современных условиях теоретические построения Маркса сохраняют привлекательность лишь для тех, кто готов принимать на веру аксиоматику его аналитических предпосылок и/или разделяет сформулированные им идеалы социального действия. В связи с этим приходится констатировать, что *теоретическое наследие Маркса представляет*

интерес главным образом для историков экономической мысли, но не для экономической науки как таковой.

Гринберг Р.С. Конечно, трудно говорить о марксизме как о науке, потому что, так уж случилось, идеология в нем всегда доминировала. Я говорю это в нейтральной коннотации, а не в отрицательной. На мой взгляд, с точки зрения, если так можно сказать, пригодности экономической теории для сегодняшней экономической политики у марксизма нет возможности для реального воплощения.

Рябов А.В. А как же тогда оценить обращение к наследию марксизма в практике весьма успешного на сегодняшний день строительства “социализма с китайской спецификой” в КНР?

Гринберг Р.С. Тот факт, что в современном Китае правящая Компартия “обогает” марксизм, клянется ему в верности, указывает лишь на то, что наследие Маркса для китайцев – всего лишь часть идеологической конструкции. Марксизм не является для них никаким инструментальным операционным методом, основой для выработки экономической политики.

Рябов А.В. А какова возможная реинтерпретация предполагаемых эффектов таких быстрорастущих секторов мировой экономики, которые получили название “креативная экономика”, “цифровая экономика” и “Индустрия 4.0”?

Колганов А.И. Крайне любопытно, что именно Маркс еще в середине XIX в. предсказал основные тенденции современной эволюции производительных сил, которые нашли отражение в терминах “информационная революция”, “экономика знаний”. Разумеется, Маркс не предсказал и не мог предсказать те конкретные формы, в которые выльются эти сдвиги (“цифровизация”, “Индустрия 4.0”). Однако основные тенденции им были предсказаны верно: вытеснение человека из непосредственного процесса материального производства, переход к автоматическим фабрикам, резкое возрастание роли научного знания и его технологического применения, необходимость всестороннего развития способностей человека как главной производительной силы, изменение, в связи с этим, роли свободного времени и т.д. Особо следует подчеркнуть, что эти выводы выступают не как прозрение пророка, а как результат исследования эволюции капитализма на основе концепции производства относительной прибавочной стоимости.

Афонцев С.А. Ситуацию осложняет тот факт, что стоимость, по Марксу, создается только в сфере материального производства и в связанных с ним сервисных отраслях (этот тезис также никак не доказывается). Как следствие, *перспективы использования теории Маркса для анализа развития со-*

временной “экономики услуг” оказываются, по меньшей мере, крайне проблематичными.

Автономов В.С. Думаю, что если бы Маркс жил сейчас, он отказался бы от унаследованной от Адама Смита узкой концепции производительного труда как труда занятого в производстве материальных благ. На это указывают и его рассуждения о превращении науки в непосредственную производительную силу, хотя надо отметить, что примерно об этом писал уже Жан-Батист Сэй задолго до Маркса.

Воейков М.И. Сегодня, когда развитые западные страны переходят к “обществу знаний”, большие сферы человеческой деятельности выводятся из-под рыночного регулирования (например, образование), что подтверждает актуальность идей Маркса. Положение, согласно которому в сферах человеческой деятельности с преобладанием творческого труда (наука, образование, культура) рыночные механизмы перестают работать, уже давно и успешно разрабатывается в новой социально-экономической науке. Здесь экономика не сводится только к рынку, а охватывает широкое поле человеческой деятельности, где экономический принцип соизмерения затрат и результатов продолжает иметь значение. Затраты и результаты деятельности могут выражаться не только в деньгах, но в экономии времени, усилий, получения большего удовольствия и благополучия, т.е. в приращении общественной полезности. Здесь можно вспомнить известное высказывание Маркса, что “всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени”².

Фролов И.Э. Если оттолкнуться от идей Маркса о развитии предметных категорий “воспроизводства” и “объективации”, развитых, в частности, в работах Дьердя Лукача и Пьера Бурдьё, то инновационная экономика будет представлять собой сложный синтез взаимодействия двух типов капитала: кругооборота инновационного капитала и венчурного инновационного капитала. Сама сфера инноваций – это, говоря языком Маркса, превращенная форма научно-технического прогресса, который основан на мировом разделении труда или, более точно, дальнейшей дифференциации, а также появлении и объективировании новых форм интеграции общественно-необходимого труда. В связи с этим, я бы не совсем согласился с тезисом Андрея Ивановича о том, что многие эффекты НТП напрямую вытекают из работ Маркса. Все же необходимо использовать и другой ряд категорий и понятий, введенных Шумпетером и его последователями. Тем не менее, что следует из представлений об инновации как об инновационном капитале? Во-первых, инновационная

экономика – это новая превращенная форма (объективация) перераспределения стоимости с инновационных секторов экономики. Иными словами, в ее основе эффекты временных локальных монополий, и, следовательно, это будет *тормозить* НТП в экономике в целом за счет более быстрого роста инновационных производств и рынков. Во-вторых, инновационная экономика – это производная экономической динамики, из чего следует, что в эпоху кризисов инновационная активность затухает, что конечно не исключает на этой стадии появления отдельных новаций, то есть внедрения инновационного процесса, что сопровождается появлением вторичных и третичных инноваций, весь комплекс в целом в свою очередь становится условием увеличения “экономики, основанной на знаниях”. С точки зрения процесса разработки новой продукции появление нового обобщенного типа задач – это *миссия* фирмы. Миссия в свою очередь создает обобщенный тип организации, в которой инновация подчиняется этой общей цели функционирования. Это позволяет при риск-инвестировании обеспечить формирование цен не на основе прежних пропорций (себестоимости), а реализовать попытку заранее объективировать учет будущих стоимостных пропорций, то есть учесть возможные возникающие рынки сбыта будущей инновационной продукции, с которых можно будет перераспределить доход в “ядро” той части экономики знаний, где и будут создаваться инновации. Возможно, что с таких позиций “креативная экономика” – это превращенная форма особой подструктуры решаемых инновационных задач – *проблем*, которые *не решаются* окончательно, но при этом возникают *пробные решения*, что дает возможность проектанту требовать *нового дополнительного финансирования*. А “цифровая экономика” – это объективация новых способов обработки больших массивов данных, что позволяет резко увеличить эффективность управленческих решений, а значит и эффективность бизнеса в целом за счет сокращения издержек на организацию и управление.

Рябов А.В. Могут ли идеи Маркса быть использованы в современном мире для его продвижения к большей социальной справедливости?

Чепуренко А.Ю. А кто сказал, что в понимании зрелого Маркса капитализм несправедлив? В “Капитале” он неоднократно подчеркивает, что обмен между наемным рабочим и владельцем денег осуществляется на основе имманентных этому обществу принципов, то есть он справедлив – с точки зрения имманентных системе товарного производства законов собственности. Поэтому дело не в апелляции к некоей внеисторической “справедливости” (это – удел христианских социалистов),

² Маркс К., Энгельс Ф. *Соч. 2-е изд.* Т. 46, ч.1, с. 117.

а в изменении всей системы экономических и социальных отношений, что приведет к формированию иного понимания социальной справедливости (в Марковом понимании – от каждого по труду, каждому по потребности).

Автономов В.С. Справедливость – термин не из Маркова лексикона, он из области “буржуазного права”. Маркс решительно отвергал попытки Пьер-Жозефа Прудона приравнять собственность и кражу и настаивал, что эксплуатация не нарушает эквивалентности обмена.

Чусов А.В. Ценности в их классическом европейском понимании совершенно чужды марксизму, поскольку являются не действительными, а лишь идеальными установками. Это в полной мере относится к справедливости.

Гринберг Р.С. Я знаю, что в аудитории присутствуют известные экономисты, и они, конечно, не согласятся со мной, но я скажу, что Маркс – это все-таки апостол справедливости, как бы ее ни понимать. Я лично понимаю это как приемлемое неравенство. У Маркса – это одна из ключевых идей: нерегулируемое неравенство приводит к делению общества на богатых и бедных, что делает такое общество нестабильным и неустойчивым. Проблема, которая в нашу эпоху стала актуальной для всего мира. По моему мнению, выживание человечества возможно лишь на пути возвращения к социальной рыночной экономике, как это ни покажется банальным. Но должны быть новые подходы, новые форматы, а не просто возвращение к перераспределению – к тому перераспределению, которое в середине прошлого века уже почти создало бесклассовое общество, о котором мечтал Маркс.

Рябов А.В. Думаю, что целесообразно также затронуть вопрос о том, опровергает ли эволюция современного общества Маркову философию исторического процесса? И актуален ли взгляд Маркса на значимость субъекта в понимании природы и направленности социальных и политических изменений в нашу эпоху?

Чепуренко А.Ю. Маркова философия исторического процесса заключается в понимании и обосновании идеи о том, что этот процесс является процессом освобождения, движения ко все большей свободе личности, который осуществляется в борьбе разнонаправленных тенденций общественного развития. В этом смысле все последующее развитие подтверждает обоснованность такого взгляда: ускорение демократического развития на Западе и крушение прежней колониальной системы; прогресс в области расового равноправия в США; современные методы и технологии, которые позволяют перейти от конвейера к гибкому производству и даже к безлюдному производству; огромный прогресс в сокращении зоны женского

труда и повышению равноправия женщин и т.д. Что касается субъекта социальных и политических изменений в мире, то вместе с обществом менялся и рабочий класс (об этом хорошо написал Андре Горц 50 лет назад); его все более полное вовлечение в систему капиталистических отношений в процессе укрепления реального подчинения труда капиталу приводило к нарастающей фетишизации его сознания. Поэтому сегодня идея “внесения классового сознания” выглядит мало реалистичной. Но появились иные субъекты общественных изменений – соответственно выдвигению на первый план проблем экологии, свободы меньшинств, устранения разрыва в качестве жизни между Севером и Югом и т.д.

Чусов А.В. Если к философии истории подходить с методологической стороны, то имеет практическое значение марксистский анализ применительно к истории – он всегда был конкретен (“18 брюмера Луи Бонапарта”, “Британское владычество в Индии”, “Крестьянская война в Германии” Энгельса, работы Ленина по конкретным проблемам).

Автономов В.С. Отвечая на этот вопрос, отмечу, что очевидно только, что субъектом социальных и политических изменений не может быть современный рабочий класс.

Фролов И.Э. Здесь позволю себе лишь краткую реплику: философия истории Маркса принципиально исходит из предпосылки множественности начал человеческой истории. Иначе говоря, действительная история у Маркса – это сложное взаимодействие качественно разных общественных объективаций. Следствием этого является принципиальная открытость будущего, то есть будущее предопределено не полностью, несмотря на объективность законов истории. Отсюда и возможность революционных изменений по воле людей (субъекта истории), которые могут менять ход исторического развития, хотя и с массой ограничений и появлением в результате неожиданных феноменов, то есть того, что нельзя было предсказать заранее.

Воейков М.И. Вы затронули одну особенность, связанную с известным противоречием в марксизме, которое можно обозначить как его двойственность или дуализм. С одной стороны, марксизм есть строго научная концепция, которая с помощью экономического детерминизма объясняет смену стадий (или формаций) в развитии общественного строя. Это можно обозначить как эволюционную сторону марксизма. С другой стороны, в марксизме заложена революционная составляющая, которая объясняет смену общественного строя через социальную революцию, где субъективный фактор (в форме образования политических партий и других политических движе-

ний) приобретает решающее значение. Это можно обозначить как революционную сторону марксизма. Эти две противоречивые стороны марксизма не являются смертельными для него, хотя теория в принципе не должна быть противоречивой. Как ни странно, такого рода противоречия придают теоретической конструкции особые достоинства, особую прелесть.

Афонцев С.А. Однако наибольшие надежды сторонников идей Маркса ассоциируются все же с *экономическими аспектами марксистской теории исторического процесса*. Действительно, в качестве одного из ключевых критериев истинности этой теории традиционно преподносится практическая реализация программ политических партий, опирающихся на вытекающие из этой теории выводы для социально-политического действия (“верификация действием”).

Данный аргумент, впрочем, уязвим как ввиду возможности временной “верификации действием” очевидно ненаучных идейных построений (от христианского ригоризма Джироламо Савонаролы и хилиазма Томаса Мюнцера до “расовой теории” Альфреда Розенберга), так и ввиду специфики использования аргументов, отсылающих к социальному действию, в науках о человеческом поведении. Пожалуй, лучше всего суть этого аргумента изложил в свое время Сергей Булгаков: “... слова Канта, что наш разум есть законодатель природы, сам влагает в нее ее закономерность, справедливые относительно науки вообще, с особенной очевидностью подтверждаются на примере социальной науки, через ее *a priori* набрасывается на социальную жизнь сеть механизма, неизменности и единообразия, и она приобретает в познании лишь то, что может быть поймано в эту сеть. Но нельзя же самую сеть принимать за улов и торжественно потрясать ею как научным открытием или завоеванием науки, между тем как она в действительности есть только орудие, метод, а не итог или результат”³. Это возвращает нас к фундаментальной методологической проблеме теории Маркса: если мы принимаем на веру предпосылку о существовании социальных классов, то мы неизбежно найдем в экономической истории признаки их деятельности. Если же сопоставлять теоретические положения Маркса с положениями альтернативных теорий, созданных в течение последних полутора столетий для объяснения тех же самых экономических (и исторических) процессов, то исход этого сопоставления окажется отнюдь не в пользу марксистских построений.

³ Булгаков С. *Философия хозяйства*. Москва, Юрайт, 2018, с. 204.

Рябов А.В. И в завершении дискуссии попытаемся представить себе фантастическую картину: а если бы Маркс был жив сегодня, как бы он мог охарактеризовать нынешний этап развития современного общества?

Колганов А.И. И если бы Маркс был жив сейчас, он, несомненно, в первую очередь подверг бы критическому пересмотру многие собственные идеи. Однако он не увидел бы оснований отказываться от своего основополагающего подхода к капитализму как исторически развивающемуся и преходящему явлению, на смену которому неизбежно придет более высокая фаза развития.

Автономов В.С. Думаю, что если бы Маркс воскрес, он засел бы за изучение газет, журналов и, конечно, Интернета, как только научился бы им пользоваться. Предугадать результат этого процесса не берусь. Хочу только обратить внимание на то, что Маркс был историческим оптимистом, что хорошо звучало в середине XIX в., но не вяжется с современным взглядом на вещи.

Чепуренко А.Ю. Не буду гадать за Маркса. Думаю только, что его бы очень заинтересовали такие процессы, как блокчейн и возможность формирования субститутов денег на этой основе; превращение свободного времени в основной вид богатства современного общества; дискуссии по поводу того, насколько показатели, измеряемые на основе стоимостных показателей (типа ВВП на душу населения), отражают действительное богатство обществ.

Чусов А.В. Думаю, что Маркс оценил бы нынешний этап в развитии человеческого общества как недоразвитый капитализм. Притом, что внутри этого пока еще ведущего современного уклада общественного хозяйства сложилось несколько новых уровней объективации деятельности людей, воспроизводящих свою жизнь.

Фролов И.Э. Опять отчасти соглашусь с Владимиром Сергеевичем — Марксу действительно пришлось бы пересмотреть многое из своих взглядов, так как мировая экономика начала XXI в. сильно отличается от экономики середины XIX в. В отличие от современных марксистов я не уверен, что на смену капиталистическим отношениям обязательно придет коммунизм. Возможно, что если сфера финансовых активов объективируется и подчинит себе движение капитала, то возникнет новая иерархия типов богатств, а значит и новая глобальная структура власти, то есть новый эксплуататорский строй. Образно выражаясь — прежде чем достичь мира Полдня XXII века Человечеству придется пережить полночь XXI-го! Спасибо за внимание!

Материал подготовил
А. РЯБОВ (andreyr@imemo.ru).

**CREATIVE HERITAGE OF K. MARX:
TO THE BICENTENNIAL OF BIRTH OF SCHOLAR AND THINKER**

(World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no. 2, pp.)

Received 17.09.2018.

We offer our readers a review of the discussion at the round table which took place in editorial office of "World Economy and International Relations" June 14, 2018. Discussion was dedicated to significance of creative heritage of Karl Marx for analysis of modern economic, social and political processes. Participants: Avtonomov V.S., corresponding member of RAS; Afontsev S.A., corresponding member of RAS; Voeikov M.I., Dr. Sci. (Econ.), prof.; Grinberg R.S., corresponding member of RAS; Kolganov A.I., Dr. Sci. (Econ.), prof.; Ryabov A.V., Cand. Sci. (History); Frolov I.E., Dr. Sci. (Econ.), prof.; Chepurenko A. Yu., Dr. Sci. (Econ.), prof.; Chusov A.V., Cand. Sci. (Philos), associate prof.

Keywords: K. Marx's ideas and method, modern society, social sciences, economic theory, social justice, digital economy, free time, the materialist conception of history.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-